

У вольных практиков не было ни орденов, ни наставников. Постигая Дао самостоятельно, они добывали техники совершенствования любыми доступными способами. Пусть их методы и уступали наследию великих школ, сейчас это играло им на руку: лишенные покровительства старейшин, они, по крайней мере, не изнывали от тревоги за судьбу родной обители.

Пока адепты сект сбивались в кучу для совета, вольные практики тоже не пустословили. На фоне общего смятения юнцы в одинаковых мантиях уже не выглядели столь спесиво.

— Если ученики Школ Обрушения Гор, Небесного Моря и Темных Воронов уйдут, нам тоже придется искать другое пристанище, — подал голос Мышиноголазый. — Здесь больше не безопасно.

— И то верно, — отозвался заклинатель с повадками даосского монаха, оправляя полы черного одеяния.

Адепты именитых сект закончили совет довольно быстро. Ученики Школ Обрушения Гор и Небесного Моря решили немедленно вернуться в свои обители и оценить масштабы бедствия. А вот приспешники Школы Темных Воронов уходить никуда не собирались. Они деловито прибирали к рукам лесные уголья: одни принялись чертить барьеры, другие встали в дозор. Старейшины их ордена испокон веков резали чужих учеников ради закалки душ в демонических артефактах, так что о спасении родного гнезда демонические заклинатели даже не думали. Сбившись в кружок, они шептались лишь о том, как расширить свои владения в чаще и попутно пустить на мясо крутившихся рядом вольных практиков.

Заклинатели стояли вне привычного порядка вещей. Их гибель не нарушала великого равновесия: Небесное Дао оставалось безучастным к смертям идущих по пути совершенствования, и карма убийцы не отягощалась грехом. В этом и крылось ключевое отличие заклинателей от хрупких мирян. Праведники без колебаний карали демонических практиков, стоило лишь перевесить силой, а те платили им той же монетой при первой возможности.

Пока демонические практики обустроивали лагерь, вольные заклинатели тоже не сидели сложа руки. Среди них отыскался умелец, знающий толк в начертании талисманов. Под его началом бродяги быстро воздвигли защитный строй, призванный уберечь их как от безумного Сюй Чуншаня, так и от вероломных соседей.

Оказавшись в относительной безопасности внутри барьера, заклинатели уселись медитировать.

А в чайной лавке тем временем вовсю кипела работа — Шэнь Хан хлопотал у плиты, готовя завтрак. В дверях показался Желтый пес. Виляя хвостом, он радостно залаял:

— Госпожа, я заметил в чаще кроличью нору! Вот подрастут немного, и я их переловлю.

— Кролики не смогут крутить жернова, — Цзяо Байюэ притащил с улицы плоский, обкатанный

валун и пристроил его у очага вместо табурета. Усевшись рядом с Шэнь Ханом, он лениво подавал ему то поварешку, то приправы.

Пшеница на заднем дворе, едва коснувшись земли, дала дружные всходы. Подпитываемые невидимыми потоками духовной энергии лавки, сочные зеленые стебли тянулись ввысь с невиданной силой, превосходя первый урожай. Через день-другой должна была подоспеть и жатва духовного риса. Припасов в чайной лавке хватало с избытком, но огромный каменный жернов по-прежнему сиротливо простаивал во дворе — вращать его было некому.

Похоже, деревенский мужик, продавший им этот инструмент, умышленно уступил его за бесценок. Жернова вышли настолько неподъемными, что даже в хозяйстве старосты им не нашли применения, вот хитрый делец и поспешил избавиться от бесполезной махины.

— Жареный хворост, боярышниковая пастила и рисовые лепешки готовы, — Шэнь Хан разогнул спину и заглянул в исходящий паром котел. — Вода закипела, убавь огонь.

Желтый пес тут же послушно загреб лапой тлеющие угли, усмиряя бушующее пламя.

Путники наскоро осушили пиалы, перебросились парой слов и поспешили в город — дела не ждали. Продавец злосчастного жернова вошел последним. На его простоватом лице читалось смущение.

— Маленький хозяин, ты уж прости дурака, — заговорил он, переминаясь с ноги на ногу. — Матушка дома такого нахлобучила, житья не дает! Велела деньги вернуть, а жернов этот даром отдать. Все равно от него толку никакого: в нашей деревне ни самый крепкий бык, ни мул его с места сдвинуть не смогли.

Цзяо Байюэ, задумчиво жевавший боярышниковую пастилу, оживился:

— А-Хан, если совсем прижмет, давай заставим Фэн Хуашуана крутить это колесо. Он точно справится. Наплетем ему, что работа у жерновов небывало омолаживает кожу, и он сам прибежит.

Пока его божественное сознание томилось в плену свитка, Цзяо Байюэ изо дня в день наблюдал, как этот павлин Фэн Хуашуан накладывает целебные маски, нежится в ваннах с лепестками роз и без конца достает из широких рукавов изящные фарфоровые флаконы, чтобы втереть в щеки благовонные мази.

Крестьянин был самым заурядным смертным. Он смутно догадывался, что загадочный Фэн Хуашуан — это имя какого-то человека, но поверить в то, что смертный способен сдвинуть каменную глыбу во дворе, просто не мог. Чувство вины грызло его все сильнее, и он торопливо добавил:

— Давайте так: отныне дрова для вашей лавки мы с мужиками берем на себя. Будем приносить исправно, а про проклятый камень просто забудьте.

Шэнь Хан наотрез отказался забирать монеты обратно. Напротив, он завернул в чистую промасленную бумагу пару свежих медовых жгутов и вложил их в широкие ладони опешившего гостя.

Мужики наскоро осушили пиалы, перебросились парой шуток и поспешили в город — дела не ждали. В лавке наконец воцарилась тишина. Оставшись наедине со своими мыслями, Шэнь Хан невольно вспомнил господина Фэн Хуашуана. Ярко-алая мантия, рассыпанные по плечам шелковистые пряди, холеные пальцы и капризное, неописуемо красивое лицо... Представить это изнеженное создание уныло бредущим по кругу с тяжелой упряжью на плечах? Картина получалась настолько дикой, что юноша невольно улыбнулся.

Вскоре пожаловали заклинатели. Чистый звон серебряных монет, падающих на дно глиняного кувшина, ласкал слух, но сегодня горшочек наполнился едва ли наполовину. Расставляя пиалы и свежую выпечку, Шэнь Хан как бы невзначай поинтересовался причиной такого затишья.

— У тех двух орденов стряслась великая беда, — негромко проскрипел Мышиноглазый, косясь по сторонам.

Приспешники темного пути угрюмо молчали, сосредоточенно уничтожая сладости. Зато вольные заклинатели за словом в карман не лезли: перебивая друг друга, они в красках расписали кровавые безумства Сюй Чуншаня.

Слушая их, Шэнь Хан похолодел. Наконец-то он узнал, чья рука оборвала жизнь его тетушки, и какую чудовищную кару навлек на свою голову Шэнь Вэньбо. Жизнь простого человека и без того хрупка, точно сухой лист на ветру — довольно легкого сквозняка, чтобы разболеться и угаснуть, а уж против яростной мощи бессмертных мастеров у смертных не было ни единого шанса. Тихо вздохнув, Шэнь Хан отошел к очагу и опустил на корточки, отрешенно глядя на пляшущие языки пламени.

Вскоре гости засобирались в путь. Один из демонических практиков, ведомый то ли праздным любопытством, то ли глупым упрямством, решил на ходу испытать силу и толкнуть стоящий во дворе каменный жернов. Однако стоило ему протянуть руку, как невидимая сокрушительная волна швырнула наглеца прочь. С тихим свистом незадачливый силач улетел далеко за верхушки деревьев и скрылся из виду.

Те заклинатели, что успели заметить вспышку, испуганно переглянулись.

— Похоже, к этому камню нам тоже лучше не соваться, — хмыкнул один из них.

— Да уж, хозяин этой лавки с каждым днем кажется все более непостижимым.

Тем временем адепты на стадии Золотого Ядра, поспешившие в свои обители, застали лишь остывающие пепелища, залитые кровью дворы и горы изуверченных тел. Самое страшное открылось позже: души погибших бесследно исчезли. Памятуя об изуверских техниках Сюй Чуншаня, уцелевшие содрогнулись от страшной догадки — безумец пожрал сущности соучеников и старейшин, выжигая их до капли ради собственного могущества. В своей жестокости ренегат превзошел самых закоренелых приспешников тьмы. Даже демонические практики, не чуравшиеся разбоя ради сокровищ, обычно охотились на одиноких вольных заклинателей и редко устраивали тотальную резню.

После истребления трех орденов разумом Сюй Чуншаня окончательно овладел гнев. Взгляд его налился кровью, на лбу яростно пульсировали сизые вены — он находился на волосок от полного искажения ки. И все же крохи угасающего рассудка помогли ему совладать с безумием. Стремительной тенью скользнув сквозь ночное небо Тэнчжоу, он бесшумно юркнул в открытое окно постоялого двора, где Шэнь Вэньбо заботливо обустроил для него покой.

Из-за недавней грозы скорби, встревожившей округу при прорыве Цзяо Байюэ, таинственной чайной лавки Шэнь Хана и скопища заклинателей в лесной чаще, Город Тэнчжоу изменился до неузнаваемости. Наводнившие улицы чужаки, которых простодушные горожане принимали за заезжих купцов, на деле оказались замаскированными практиками. Днем они прочесывали окрестности в поисках следов великого демонического владыки, преодолевшего небесное испытание, а с наступлением сумерек возвращались под защиту городских стен.

— Эх, А-Хан... — Цзяо Байюэ бесшумно подкрался сзади и обнял юношу за талию, уложив подбородок ему на плечо и щекоча теплым дыханием ухо. — Я так и не вспомнил, какое именно сокровище когда-то подчинил своей воле. Нам нельзя выбрасывать ничего из утвари этой лавки — вдруг тарелка или старый веник и есть то самое великое оружие?

У Желтого пса от таких слов шерсть на хвосте встала дыбом. Он пулей вылетел во двор и спустя мгновение вернулся, бережно неся в пасти гладкую свиную кость. Решив проверить, не таится ли в ней скрытая духовная сила, пес без лишних раздумий швырнул ее прямо в полыхающий зев печи. Огонь тут же взвился до самого потолка, жадно охватив подношение, и сноп искр вырвался наружу, едва не подпалив любопытный собачий нос.

Бережно протирая чистые чаши льняным полотенцем и складывая их в плетеную корзину, Шэнь Хан негромко произнес:

— Мне кажется, Сюй Чуншань на этом не остановится. Он вернется.

В душе каждого человека дремлет темная сторона, но демоны Сюй Чуншаня оказались столь могущественны, что полностью подчинили себе его волю. Годы нищенства на улицах Тэнчжоу после изгнания из поместья Шэнь научили Шэнь Хана видеть людей насквозь — он познал худшие проявления человеческой злобы и эгоизма, пока случайная встреча со старым хозяином лавки не подарила ему каплю душевного тепла. Богатый опыт подсказывал юноше: подобные безумцы никогда не знают удержу.

— Ему ни за что не переступить порог этого места, — Цзяо Байюэ нежно прикоснулся губами к уху юноши, с удовольствием наблюдая, как аккуратная мочка заливается пунцовой краской. — Но я все же притащу Фэн Хуашуана. Пусть поработает ослом у жерновов: нам нужно смолоть пшеницу в муку, чтобы ты приготовил лапшу.

Не желая отказываться от мысли пристроить верного слугу к тяжелому труду, Достопочтенный Демон забавно повел ушами — на его макушке вновь прорезались пушистые белые ушки, затрепетав перед самым лицом возлюбленного.

Отложив последнее блюдо, Шэнь Хан ласково потрепал белоснежные ушки, а свободной рукой шутливо сжал пушистый хвост, обвившийся вокруг его бедра.

— Хуан Чань говорил, что господин Фэн ведет множество твоих торговых дел, — с мягкой улыбкой возразил юноша. — Не стоит отвлекать его ради пустяков. Поищем еще. Раз этот жернов высечен из камня, значит, в поднебесной обязательно найдется тот, кому под силу сдвинуть его с места.

— Ладно, — нехотя уступил Цзяо Байюэ, пряча ушки. — Твоя правда. Тогда я пойду в сад, наберу спелого боярышника.

Сюй Чуншань уже сбился со счета, сколько жизней и душ поглотил его внутренний демон. Его мешок вселенной ломился от чужих артефактов; туда же перекочевали и великие реликвии разграбленных Школ Обрушения Гор и Небесного Моря. Разве что старейшина Школы Темных Воронов перед гибелью сумел дать ему достойный отпор, принеся собственную душу в жертву исполинскому Знамени призыва душ, что изрядно потрепало силы безумца.

Тело Сюй Чуншаня едва сдерживало kloкочущую ярость накопленной силы. Он отчетливо чувствовал, что стоит на пороге прорыва на новую ступень, однако карающий Гром скорби почему-то безмолвствовал. Обуздав на время бушующую мощь меридианов, безумец вспомнил об уговоре с Шэнь Вэньбо. Выждав немного, он бесшумным вихрем опустился посреди поместья Шэнь.

Скоропостижная смерть госпожи Шэнь породила множество пересудов среди челяди. В темных углах шептались, что покойницу настигло возмездие разгневанных небожителей за ее былую алчность и спесь. Шэнь Вэньбо тоже не выказывал скорби: поминальный зал убрали небрежно, лишь для галочки, намереваясь поскорее зарыть гроб в землю и покончить с формальностями. Равнодушие хозяина развязало слугам языки. Едва Сюй Чуншань соткался из воздуха в тени дальней галереи, до его слуха долетел шепот двух бездельников, смаковавших жуткую кончину покойной.

Слегка поведя пальцами, заклинатель без труда подчинил себе волю смертных. Словно безвольные марионетки, они послушно шагнули навстречу палачу, подставляя беззащитные шеи.

— Коль язык за зубами держать не умеете, так и жизнь вам ни к чему, — прошипел Сюй

Чуншань с ледяной усмешкой.

— Бессмертный... Бессмертный Сюй... — тяжело переваливаясь с боку на бок, точно жирный гусь, к нему подбежал Шэнь Вэньбо. Не успевая утирать холодный пот с тройного подбородка, он согнулся в угодливом поклоне. — По поводу той чайной лавки... Удалось ли разузнать что-нибудь?

— Разумеется, — Сюй Чуншань небрежным жестом вырвал полупрозрачные души несчастных из бездыханных тел и лениво сомкнул пальцы, растирая чужую сущность в пыль. Его широкие рукава колыхнулись, словно от дуновения легкого ветерка.

Глаза Шэнь Вэньбо радостно блеснули. Он уже собирался отдать приказ вынести гроб и покончить с трауром, как вдруг поминальный чертог позади него содрогнулся. Вместе со всеми, кто находился внутри, стены зала принялись беззвучно крошиться, распадаясь на мириады осколков. Хлынувшие фонтаны крови окрасили серый полумрак усадьбы в кошмарные алые тона.

— Если этот ничтожный лавочник откажется отдать мне сокровища, я заставлю весь город Тэнчжоу лечь с ним в одну могилу, — прошептал Сюй Чуншань. Безумный разум нашептал ему идеальный план: взять в заложники весь город.

<http://bllate.org/book/20638/2131944>